

ДИНАМИКА ЯЗЫКА XX ВЕКА
В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ
К. ФОССЛЕРА, Э. КОСЕРИУ И Р. А. БУДАГОВА

ИРИНА ПРИОРОВА

Российский Новый университет (Рос НОУ)
Кафедра русского языка и издательского дела
105005, Москва, ул. Радио 22, Россия
e-mail: irinapriorova@yandex.ru
(получено 17.04.2018; принято 11.09.2018)

Abstract

**The 20th century language dynamics in the linguistic conceptions of
K. Vossler, E. Coseriu and R. Budagov**

The article compares views of famous linguists of the 20th century, distinguished by originality of judgments on the linguistic system and norms. The aesthetic function of language has always attracted attention of linguists from different eras, and the continuity of language development has been considered by each linguist in their own way according to the current trends in the humanities. In this paper the ideas of three outstanding linguists K. Vossler, E. Coseriu and R. Budagov represent the multivariate vision of language in the constantly changing paradigms and in the dynamics of linguistic transformations. However, their various beliefs only strengthen the status of the language norm, which reflects the peculiarities of the language of a particular period of time. Despite fundamentally different approaches to understanding the essence of language and the role of the norm in language development, intersection points in the views of these eminent researchers are of the most interest.

Key words

System, norm, aesthetic idealism, dynamic language, language-sign, language-suggestions, cultural aspect, language skills.

Резюме

В статье сопоставляются взгляды известных лингвистов XX века, которые отличаются оригинальностью суждений по вопросам системы и нормы языка. Эстетическая функция языка всегда привлекала внимание лингвистов разных эпох, а непрерывность языкового развития рассматривается в русле новых гуманитарных направлений каждым ученым по-своему. В данной статье взгляды трех выдающихся филологов, К. Фосслера, Э. Косериу и Р. А. Будагова, отражают многомерное видение языка в постоянно меняющихся парадигмах и в динамике языковых преобразований. Однако их различные убеждения только укрепляют статус языковой нормы, которая отражает особенности языка определенной эпохи. Несмотря на принципиально разные подходы в осмыслении сути языка и роли нормы в языковом развитии, наибольший интерес представляют точки пересечения во взглядах этих выдающихся исследователей.

Ключевые слова

Система, норма, эстетический идеализм, динамичность языка, язык-знак, язык-внушение, культурный аспект, языковые навыки.

Эта статья включает материал наших предыдущих работ об эстетической функции языка, поскольку она касается и грамматической системы тоже. Особенно оригинально грамматический аспект представлен в теории «эстетического идеализма К. Фосслера» (Приорова, 2011, с. 296, 315, 327), которую нельзя принять однозначно. Именно поэтому мы решили сопоставить эту теорию с более поздними, чтобы объективно оценить ее значение. Необычность теории раскрывается с разных сторон: во-первых, структуры и нормы (Приорова, 2015, с. 114–120); во-вторых, стилистики определенной эпохи (Приорова, 2014, с. 189–194; Приорова, 2016, с. 474–478) и, наконец, в сравнении с другими концепциями (Приорова, 2017, с. 87–96). Обобщив взгляды трех выдающихся лингвистов XX века, мы руководствовались тем, что и в XXI веке объективные закономерности самоорганизации языковой системы так или иначе отразятся на эстетике языка. Эстетический компонент языка сохраняет привлекательность для исследователей как возможность постигать креативность не только отдельной личности, но и целой эпохи. Мы придерживаемся того, что язык и культура взаимообусловлены, поэтому в числе функций языка (коммуникативной, кумулятивной, когнитивной и пр.) эстетическая (поэтическая) функция не может, на наш взгляд, рассматриваться как факультативная. И если с помощью первых

трех язык влияет на культуруформирующую и социорегулирующую основы общества, необходимые для развития социальной истории цивилизации, то эстетическая функция языка позволяет сравнивать изменения социокультурного порядка, необходимые для роста духовности цивилизации.

Непрерывность языкового развития «обрастает» очередными прогнозами в русле новых гуманитарных направлений, однако в постоянно меняющихся парадигмах изучение системы и динамики языковых преобразований невозможно представить без нормы. Вопросам нормы и системности языка всегда уделялось большое внимание, они остаются ключевыми в современном языкознании, выстраиваясь в диалоги разных лингвистических школ. Антропоцентрическая парадигма, «которая пришла на смену формальному описанию языка, существенно расширила границы его изучения: системно-структурная организация языка “ожил” и “очеловечилась”, стала более жизнеспособной и интересной для исследований» (Приорова, 2017, с. 87). Выбор теорий Фосслера, Коссериу и Будагова для нас не случаен. Он объясняется нашим желанием обновить устоявшиеся представления относительно некоторых актуальных проблем. Впервые в лингвистической практике мы сопоставили идеи выдающихся лингвистов, которые, на первый взгляд, несопоставимы. Неожиданно для нас, эти идеи вдруг связались как дополняющие друг друга: они будто бы «транслируют многомерность» языка через «непрерывное дыхание времени» (Приорова, 2017, с. 87). В этой статье мы попытались выстроить получившуюся дискуссию «ученых о сути языка и тенденциях его развития» (Приорова, 2014, с. 189–194, Приорова, 2016, с. 474–478), раскрывающую суть нормы и ее роль в языковых изменениях.

Концепция эстетического идеализма, автором которой является немецкий филолог Карл Фосслер (1872–1947), как правило, считается альтернативой сравнительно-историческому языкознанию: ее истоки заложены в философии Гегеля и трудах неогегельянца Бенедетто Кроче. Основная идея сводится к тому, что всякое языкознание должно быть эстетическим, а не историческим, и в этом кроются некоторые противоречия у самого Фосслера. Эти же идеи в трудах В. фон Гумбольдта интерпретировались иначе, но это отдельная тема. И если Б. Кроче ведущую роль в процессе познания отводил интуиции, считая, что она получает свое развернутое воплощение в бесконечном множестве произведений искусства и составляет эстетику языка, то Фосслер пошел еще дальше, утверждая, что именно интуиция и эстетический вкус определяют структуру языка.

В своих программных исследованиях *Позитивизм и идеализм в языкознании* (1904 г.), *Язык как творчество и развитие* (1905 г.), *Дух и культура в языке* (1925 г.) Фосслер приходит к выводу, что эстетика – это наука о выражении духа, интуиции, а язык – духовное самовыражение. Из чего следует, что история языка – это история духовных форм выражения, т.е. история искусства. Грамматика же является частью истории стилей или литературы, входя в состав филологии, поскольку в ней отражается всеобщая духовная история. По Фосслеру, главной задачей языкознания становится познание духа, который является единственной действующей причиной существования и изменения всех языковых форм.

Он считает, что всякое изменение и развитие составляет продукт вкуса или эстетического чувства говорящего лица, при этом эстетический механизм может быть глубоко скрыт: «Идея языка есть поэтическая идея, истина языка есть поэтическая истина, осмысленная красота» (Фосслер, 1910, кн. 1, с. 167).

Фосслера не случайно считают основоположником современной стилистики: «все лингвистические дисциплины он рассматривал как придаток стилистики» (Приорова, 2014, с. 189–194, Приорова, 2016, с. 474), которую считал частью эстетики как царицу филологии. Однако в своих трудах он так и не пояснил, чем же стилистика в этом случае отличается от эстетики. Понять эти отличия, как нам представляется, можно только через его понимание изменчивости языка. Изменение языка Фосслер рассматривал через прогресс: абсолютный (результат индивидуально духовного творчества) и относительный (результат коллективного духовного творчества). Это соотносится с его пониманием внутренней формы языка, которую Фосслер определял как «лингвистический вкус» или «лингвистическое чувство» (Приорова, 2014, с. 191). На вопрос, кто (индивид или народ) является творцом языка, Фосслер отвечал однозначно: только личность как разносторонняя величина творит язык (ср.: языковая личность, говорящая личность), но не абстрактный индивид. Однако впоследствии под влиянием социологических идей, он признал, что язык немислим без множества личностей и их общности.

Приоритет эстетики в языке Фосслер объяснял тем, что эстетическое начало господствует во всех изящных искусствах: в танце – язык жестов; в музыке – язык тонов; в живописи – язык красок и линий; в архитектуре – язык твердых тел; значит язык всех языков – это поэзия. Современное языкознание признает все эти сферы, но только как вторичные, а поэтичность языка – как одну из его функций. Однако, справедливости ради, нельзя не согласиться с тем, что поэты – это художники, которым дано извлекать «из языков народа язык сердца». Обыденная речь не так важна с точки зрения искусства, но «(...) мы порождаем словесные образы, мы все тоже являемся поэтами и художниками, правда, в обыденной жизни – весьма незначительными, посредственными, отрывочными и неоригинальными художниками. Наша обыденная речь не стоит того, чтобы ее подвергали анализу в качестве поэзии или искусства. Но крошечная словесная капля какого-нибудь болтуна (...) в конечном счете проистекает из того же источника, как бесконечный океан какого-нибудь Гете или Шекспира» (Фосслер, 1910, кн. 1, с. 167).

Что касается изменчивости языка, то в этом вопросе Фосслер последовательно придерживается своих пристрастий к стилистике безотносительно языковой системности. Согласно Фосслеру, «Нарушение нормы в языке он объясняет тем, что изменение понятий и формы слов начинается в стилистически маркированном контексте» (Приорова, 2014, с. 189–194, Приорова, 2016, с. 475). В своей работе *Грамматика и история языка* в 1910 году Фосслер писал: «Каждая форма языка подчинена законам природы, всякое произвольное вмешательство есть глупость или болезнь. Но, значит, глупостью и произвольностью отличается, прежде всего, сама академическая грамматика. Истинная грамматика представляет собой з а к о н п р и о д ы (разрядка наша – И. П.), ей не нужны ни-

какие академические наставления» (Фосслер, 1910, кн. 1, с. 161). Значит ли это, что язык не нуждается в норме, и ему не нужна правильность? Или это касается исключительно речи?

Объясняя то, чем правильность отличается от истинности, К.Фосслер рассуждает так: «(...) предикаты истинного и правильного, стало быть, относятся друг к другу так, что при максимуме правильности достаточен минимум истины, а минимум правильности способен охватить максимум истины. (...) В грамматике господствует лингвистическая правильность. Ни одна разумная грамматика не поднимает вопроса о лингвистической истине» (Фосслер, 1910, кн. 1, с. 164). Если правильность, по Фосслеру, является внешней составляющей истинного в языке (экономической или технической) и не является собственно лингвистической истиной, то это снижает «авторитет» нормы в языке, а, следовательно, признается ее относительность, необязательность, что трудно совмещается с выдвинутой концепцией эстетики языка. Видимо, здесь следует руководствоваться тем, что «...изменения нормы в языке начинаются со свободы выбора, которая существует между рекомендательным характером академической грамматики, критикуемой Фосслером, и внутренним чутьем носителя» (Приорова, 2014, с. 191). Это говорит, прежде всего, о том, что предпочтение «истинности» в языке весьма условно. Основа таких предпочтений заложена в естественном переходе бессознательного в сознательное: способность слова реализовывать формальные варианты при переходе из языка в речь обусловлены природой взаимодействия языка и мышления. Если семантика обеспечивает слову ассоциативную вариативность, то его семиотическая природа активизирует линейную комбинаторность.

С этого момента логично вспомнить другого выдающегося лингвиста – Косериу, который считается последователем де Соссюра. По вопросам эстетики и языковых изменений он придерживался собственной теории, которая, как и предыдущая, отличается оригинальностью. Его известная работа *Синхрония, диахрония и история* посвящена непосредственно проблеме языкового изменения. По мнению автора, проблема сама по себе содержит глубокое противоречие. Он пишет, что это отнюдь не порочный круг, поскольку термин «язык» понимается в одном случае как «знание», как «языковой капитал», а в другом случае – как конкретное проявление этого знания в процессе говорения. Косериу предлагает «встать на почву речи», ибо только через нее можно охватить одновременно речь и язык: «язык дан в речи, в то время, как речь не дана в языке» (Косериу, 2001, с. 20). Утверждать же, что речь – это «бессознательная» деятельность, и говорящие «не осознают» норм языка, на котором они говорят, нельзя. Это положение представляется Косериу ошибочным, и он предлагает от него отказаться, поскольку «(...) непатологическая деятельность бодрствующего сознания не бывает и не может быть бессознательной» (Косериу, 2001, с. 38).

Эстетика системы языка, по Косериу, охватывает идеальные формы реализации конкретного языка, то есть технику, и эталоны для соответствующей языковой деятельности. Норма же включает исторически уже реализованные с помощью этой техники модели. Следовательно, через систему выявляется динамичность языка и его способность выходить за пределы уже реализованного,

а норма соответствует фиксации языка в традиционных формах: «именно в этом смысле норма в каждый данный момент представляет синхронное («внешнее» и «внутреннее») равновесие системы» (Косериу, 2001, с. 37).

В лингвистике понимание системы языка не может быть однозначным, и как бы привлекательна ни была идея «эстетики системы», она обязательно столкнется с альтернативными убедительными взглядами. К их числу относятся идеи Будагова – известного русского ученого, который считал, что «(...) систему ни понять, ни описать невозможно без опоры на элементы и категории, ее составляющие и ее формирующие. Без взаимодействия частей и целого не может быть и целого, и системы» (Будагов, 2000, с. 51).

Будагов исследовал самобытность языков через диахронические преобразования в социуме. Роль социальной среды, стимулирующей языковые изменения, рассматривалась в безинтернетном XX веке с разных сторон, но иначе, чем сегодня – в эпоху развивающейся интернет-коммуникации. Сравнивая научные взгляды даже по традиционным вопросам языкознания, можно увидеть те точки «схождения» и «расхождения», которые иллюстрируют совпадение или несовпадение теоретических прогнозов с действительностью.

Вступая в открытую дискуссию с Косериу, Будагов в своей работе *Язык и речь в кругозоре человека* признавал, что на современном этапе (XX век) обнаруживается причудливое сочетание двух несовместимых принципов: язык «сам в себе и для себя» и язык в социуме (социолингвистика). Однако эти принципы можно считать действительно не совместимыми, если социальное понимать глубоко как социальную природу самого языка, как его внутреннюю сущность. Если же, по мнению Будагова, «социальное сводить только к внешним условиям бытования языка, а сам язык рассматривать как замкнутую структуру» (Будагов, 2000, с. 59), то эти же принципы оказываются вполне совместимыми.

Размышляя о своеобразии отдельного языка и его эстетической «наполняемости», Будагов отмечает, что «(...) наряду с общей соотнесенностью языка и действительности, у каждого языка есть еще и дополнительные признаки, как бы конкретизирующие подобную соотнесенность» (Будагов, 2000, с. 60), а «(...) расхождения между языками, в том числе и родственными, явление совсем иного рода, чем отношения каждого языка к реальности» (Будагов, 2000, с. 61). Если реальность эстетична, то активизируются эстетические ресурсы системы, поэтому «(...) специфику языка надо искать не в изоляции языка от реальности, а в характере и особенностях взаимодействия между языком и реальностью» (Будагов, 2000, с. 78). Будагов подчеркивал: «Каждый живой язык, завися от реальности, вместе с тем подобную зависимость может выражать и так, как другие языки, и не так, как другие языки, своеобразно, по-своему. Поэтому никак нельзя согласиться с Косериу, будто бы грамматическая идиоматика преграждает путь языку к реальности» (Будагов, 2000, с. 61).

Фосслера и Косериу объединяет признание того, что говорящие умеют применять языковой инструмент, умеют сохранять норму и творить в соответствии с системой. Оба сходятся в том, что в качестве «передаваемого знания (а не просто сугубо личного “навыка”) знание языка есть факт культуры» (Косериу, 2001, с. 140) без учета его знаковости. Будагов видит в этом противоречие, ко-

торое состоит в том, что система не может обойтись без категории знаковости: «(...) хотя все национальные языки оперируют и в лексике, и в грамматике двусторонними единицами, в самой этой двусторонности может выделяться либо категория значения, либо категория знаковости» (Будагов, 2000, с. 125).

Как же быть с эстетикой системы языка (по Косериу), которая охватывает идеальные формы реализации конкретного языка «(...) в эпоху научно-технической революции», когда «сам язык превращается в чисто техническое средство, в 'язык-знак'» (Будагов, 2000, с. 125)? Будагов отрицает эстетическую идеализацию системы языка: «Он только называет, только утверждает или отрицает, избегает всяких 'сантиментов', стремится быть точным и лаконичным. 'Язык-знак' вытесняет 'язык-внушение'» (Будагов, 2000, с. 125).

Если «эстетика» Фосслера перетекает в «культуру» Косериу, поскольку в их видении в реальном языке совпадают системное, культурное, социальное и историческое: «В самом деле, человек обладает не только знанием о вещах через посредство языка, но и знанием самого языка. В этом смысле культурный аспект языка – это сам язык как совокупность языковых навыков» (Косериу, 2001, с. 41), то у Будагова «сталкиваются две противоположные тенденции: одна из них, упрощая язык, движет его по направлению к 'языку-знаку', другая, обращая внимание на способ выражения мыслей и чувств людей, (...) влечет язык по направлению к 'языку-внушению'» (Будагов, 2000, с. 125).

«Индивидуальный язык» (по Косериу) соотносится с «разносторонней личностью» Фосслера. Однако Косериу подчеркивает, что язык не является строго индивидуальным. Будучи строго «индивидуальным», этот язык не является языком, поскольку «...язык – это условие или инструмент языковой свободы, понимаемой как историческая свобода, а инструмент, которым пользуются, – это не тюрьма и не оковы» (Косериу, 2001, с. 48). Итак, если язык – это инструмент особой природы как «система возможностей», то он является «также инструментом для преодоления самого себя» (Косериу, 2001, с. 49), а факторы изменения языка существуют в самом языке.

Если изменение – это появление нового элемента в языке, точнее распространение инновации, то для нее в данном состоянии языка должны быть найдены условия, благоприятные для ее межиндивидуального принятия. Эти условия изменения являются исключительно культурными и функциональными и могут быть обнаружены в любом состоянии языка. Язык – это умение творить, и он изменяется именно как знание, но с другой стороны, подчеркивает Косериу, язык является совокупностью системных особенностей и может изменяться только системно. По этому вопросу взгляды Фосслера и Косериу не совпадают. Оставаясь последователем де Соссюра, Косериу не мог отказаться от того, что «...если в любом состоянии языка можно обнаружить систему, то значит, язык является системой в любой момент, т.е. он эволюционирует как система» (Косериу, 2001, с. 81). Здесь Косериу ближе к Будагову, но далее он добавляет, что «...изменения проявляются в синхронии с точки зрения культуры в "спорадических" формах, в так называемых типичных ошибках по отношению к установленной норме и в иносистемных особенностях, наблюдаемых в речи» (Косериу, 2001, с. 82). Благоприятными для изменения языка Косериу считает

«разнообразии (региональное или социальное) языковых навыков – в пределах одного и того же исторического языка – и слабость этих навыков в эпоху культурного упадка или в социальных группах низкой культуры» (Косериу, 2001, с. 82).

Утверждение Косериу, что изменения в языке – это не «искажение» или «повреждение», а восстановление, обновление системы, которое обеспечивает непрерывность ее функционирования, говорит в пользу традиционной точки зрения об относительности нормы в «системе возможностей» языка. Именно благодаря этому система сохраняется до тех пор, пока не произойдет «мутация», «полный переворот нормы в том или ином направлении» (Косериу, 2001, с. 205). Признание или непризнание «системы возможностей», по мнению Будагова, соотносится с тем, что «среди очень пестрых грамматических теорий можно выделить две основные противоположные теории (субстанциональную и антисубстанциональную). Субстанциональная теория исходит из убеждения о наличии реальной материи любого естественного языка, из убеждения во взаимодействии языка и мышления, формы и содержания (в широком смысле). Антисубстанциональная теория, напротив, рассматривает язык «как знаковую систему» (Будагов, 2000, с. 172).

В работе Косериу, в большей степени отражающей субстанциональность, встречается очень «модный» для сегодняшнего дня термин *инновация*: «Все то, в чем сказанное говорящим (рассматриваемое с точки зрения языковых закономерностей) отклоняется от моделей, существующих в языке, может быть названо инновацией. Допущение инноваций со стороны слушающего в качестве модели для дальнейших высказываний можно назвать принятием» (Косериу, 2001, с. 54). Итак, по Косериу, инновация есть преодоление языка; принятие – приспособливание языка, а точнее, языковых навыков для преодоления его самого; это не механическое воспроизведение, это всегда выбор. Следовательно, «принятие» – это акт, определяемый культурой, вкусом, практическим разумом, который К. Фосслер называл внутренним чутьем, заменяющим академические предписания. И в этом состоит косвенное совпадение их взглядов: «Сила человека в его универсальности. Следует сказать и о человеческом языке» (Будагов, 2000, с. 166).

Признание приоритетности эстетики в процессе изменчивости языка, как видно из вышеизложенного, сближает взгляды Фосслера и Косериу, но их теории в XX веке прекрасно уживались с альтернативными взглядами Будагова, который не отрицал, что индивидуальность личности угадывается, прежде всего, в языке, который потенциален в своей изменчивости. Поэтому общим выводом можно считать признание того, что «... точки зрения языковых навыков постоянно наблюдается несоответствие между знанием системы и знанием нормы» (Косериу, 2001, с. 98).

Таким образом, и Фосслер, и Косериу, и Будагов в своих исследованиях отделяли изменчивость языка от нормы, поскольку именно она воспроизводит потенциальные возможности языковой системы, давая ей эволюционировать. Если «знание нормы означает более высокую ступень культуры» (Косериу, 2001, с. 98) человека, то, следовательно, это должно обеспечить более высокий

уровень культуры общества в целом. Эволюционирующая система в условиях данной закономерности не может обойтись без нормы, ибо норма постоянна в своей изменчивости. Как эстетический маркер языка она функционирует в условиях комбинаторики и вариативности языковых единиц. Одним словом, эстетичность языка (по К. Фосслеру), активно меняющаяся под прессингом современной интернет-коммуникации, следует рассматривать как очередной этап совершенствования языка (по Будагову), что и позволит в перспективе оценить вектор языковых изменений в XXI веке в единстве системы и нормы (по Косериу).

Библиография

- Будагов, Р. А. (2000). *Язык и речь в кругозоре человека*. Москва: Добросвет.
- Косериу, Э. (2001). *Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения)*. 2-е изд., стереотипное, Серия «Лингвистическое наследие XX века» (перевод с испанского И. А. Мельчука). Москва: Эдиториал УРСС.
- Приорова, И. В. (2011). *Взаимодействие парадигматики и синтагматики в русском языке (на примере свойств и функций несклоняемых имен)*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности. Астрахань: Астраханский государственный университет.
- Приорова И. В. (2014). *К вопросу об эстетике слова и креативе мысли: от Пушкина до. В: Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: сборник мат. Всерос. конф., посвященной 115-летию со дня рождения проф. И. А. Фигуровского*. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, с. 189–194.
- Приорова, И. В. (2015). *Эстетика, норма и структура языка в концепциях К. Фосслера и Э. Косериу*. В: Чистяковой, И. Ю. (сост.) Чистякова, И. Ю. Бадалова, Е. Н. (ред.), *Речевая структура русского общества: проблемы риторики, поэтики, стилистики: межвузовский сборник научных трудов*. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», с. 114–120.
- Приорова, И. В. (2016). *Структура и норма языка в эстетической концепции К. Фосслера и исследованиях Э. Косериу*. В: *Проблемы современной филологии и аспекты преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе: материалы Международной научно-практической конференции (28–29 января 2016 года)*. Уфа: Издательство УГНТУ, с. 83–88.
- Приорова, И. В. (2016). *Стилистика в концепции эстетического идеализма XX века*. В: *Стилистика сегодня и завтра: материалы IV Международной научной конференции*. Москва: Ф-т журн. МГУ, с. 474–478.
- Приорова И. В. (2017). *Р.А. Будагов о структуре, норме и эстетике языка в диалоге с Э. Косериу и К. Фосслером*. В: Ковалева, А. (сост.), *Текст, структура и семантика: доклады Международной научной конференции «Русский язык в исследованиях отечественных ученых: история и современность» (Москва, РосНОУ, 2–3 декабря 2016 г.)*: сборник статей. Москва: Редакционно-издательский дом РосНОУ, с. 87–96.
- Фосслер, К. (1910). *Грамматика и история языка (к вопросу об отношении между «правильным» и «истинным» в языковедении)*. В: *Логос*. Кн. 1, Москва: Типография «Русского Товарищества печатного и издательского дела», с. 157–170.